

А. А. Царевский

Святитель Иоанн Златоуст

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А. А. Царевский**
Святитель Иоанн Златоуст / А. А. Царевский – М.: Книга по Требованию,
2022. – 70 с.

ISBN 978-5-518-07287-9

Православный собеседник, 1908, I, с. 57-85, 172-183, 273-298.

ISBN 978-5-518-07287-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и ежедневно во всѣхъ нашихъ храмахъ православныхъ совершаемая. Непосредственно отъ него, такимъ образомъ, мы воспріали и унаслѣдовали несказанную красоту нашего богослуженія. А для истоваго человѣка русскаго и благочестиваго сына церкви православной есть ли что отраднѣе и любезнѣе церкви?! Для сердца русскаго есть ли какая красота милѣе и дороже церковно-богослужебной красоты?! Вѣроятно, поэтому-то и близокъ намъ, такъ любимъ нами святой Златоустъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ внутреннее убѣжденіе каждаго изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-то особенно теплое, задушевное откликается въ сердцѣ при этомъ, словно родномъ, близкомъ, имени—Златоустъ! Невольно вспоминается, при этомъ, давно минувшая юность, когда, еще на школьной скамьѣ, тѣ люди, которые учили насъ вѣрить и молиться, рассказывали намъ о Златоустѣ, этомъ любвеобильномъ защитникѣ страждущихъ, грозномъ обличителѣ неправыхъ, этомъ необычайномъ страсотерпцѣ-подвижникѣ, удивительномъ, чудодѣйственномъ проповѣдникѣ..... Забылись, можетъ быть, подробности, частности изъ этого рассказаннаго намъ и слышаннаго нами о Златоустѣ; но памятно обаяніе тѣхъ высокихъ минутъ, когда сердце трепетало при рассказахъ о дивныхъ дѣлахъ этого дивнаго, пресвѣтлаго святителя. Не потому ли вотъ и теперь что-то особенное, радостное и утѣшительное чувствуется въ сей приспѣвшій день свѣтлаго торжества—въ память Златоуста?! Изъ тьмы вѣковъ въ представленіи нашемъ нынѣ воскресаетъ величественный образъ этого, сердцу близкаго, благороднѣйшаго, святого и необычайно великаго человѣка. И мы теперь мысленно взираемъ на него, мы собрались здѣсь во имя его и около него, душа и сердце заполнены священной думою о немъ...

Какіе же вѣнки сплетемъ мы Златоусту въ этотъ торжественный, праздничный, его имени—день?

Не намъ сплетать вѣнки Златоусту; еще не родилось на бѣломъ свѣтѣ второго златоуста, который смогъ бы достойно и праведно, въ мѣру необычайныхъ даровъ и совершенствъ Златоуста, прославить и возвеличить Златоуста. И мы теперь, только преклонимся въ благоговѣй-

номъ умиленіи предъ его великою и священою тѣнью и, въ духовную сладость себѣ, только полюбуемся на этого дивнаго человѣка и на его дивныя дѣла и слова.

Перенесемъ же мысленно въ тѣ давно минувшія Златоустовскія времена и мѣста.

То было IV столѣтіе по Р. Х., столѣтіе замѣчательнѣйшее въ исторіи христіанства; оно отмѣчено и великимъ торжествомъ христіанства на землѣ и самыми страшными для него опасностями. Три вѣка дотолѣ лилась кровь христіанъ; не было такого орудія, такой пытки, которую злоба адская не испробовала бы на христіанахъ. Но кровь мучениковъ была только сѣменемъ, изъ котораго выростали новыя и новыя поколѣнія исповѣдниковъ Христа. Наконецъ, въ началѣ именно IV столѣтія, случилось то, что казалось даже святымъ и прозорливымъ христіанамъ, напр. Тертуллиану, невѣроятнымъ: самъ императоръ римскій, т. е. глава всего міра тогдашняго, сдѣлался христіаниномъ. Успѣхъ христіанства былъ великій, но—далеко не окончательный и не полный. Порвать сразу съ язычествомъ, которое жило вѣка и всецѣло заполняло и опредѣляло жизнь народную, оказалось трудно, невозможно. И вотъ, вмѣсто нападеній на христіанство внѣшнихъ, гоненій открытыхъ, начинается теперь борьба внутренняя, духовная, по не менѣе опасная, борьба не за право существованія христіанства на землѣ, а борьба и возстаніе уже на самую сущность его. Поднимаются всѣ злобствующія силы на ниспроверженіе вѣроученія христіанскаго, на его униженіе, извращеніе, опозореніе. И язычники извнѣ и разнообразныя еретики въ нѣдрахъ самого христіанства, одинаково напряженно подрывали и оскорбляли единую и чистую истину Христову,—повидимому, неуклонно вели христіанство къ разложенію, къ концу. Эта борьба, послѣдняя и крайняя, борьба на жизнь и смерть, была столь опасна для юной церкви Христовой, что не только массы народа, а и представители церкви, епископы и духовенство, и даже сами вѣнчаные охранители вѣры—императоры, попадали въ сѣти заблужденій и дѣлались еретиками и язычниками. Аріанство, страшная ересь, непризнававшая божествен-

ности Христа, а значить и въ корнѣ подрывавшая христіанство, временами охватывала чуть не всю церковь христіанскую, съ епископами и царями во главѣ. Были, на примѣръ, такіе страшные дни, когда въ столицѣ имперіи, въ Константинополѣ, только малая оставшаяся горсточка православныхъ ютилась въ одной домово́й церкви, а весь міръ остальной увлеченъ былъ аріанствомъ. А на примѣръ, второй же, послѣ равноапостольнаго Константина, преемникъ его на императорскомъ престолѣ, Юліанъ, явно отступилъ, отрекся отъ христіанства, всё усилія свои направлялъ къ уничтоженію христіанства и къ возстановленію въ имперіи своей стараго язычества.

Но всё эти ужасы и роковыя опасности скопились надъ церковью Христовой, какъ будто именно для того, *да явятся дѣла Божія* надъ нею. Какъ это было и въ первые дни христіанства, когда всего только двѣнадцать невѣдомыхъ міру рыбаей совершили своею проповѣдью невѣроятное дѣло, одержали побѣду надъ могуществомъ Рима, склонили и легіоны римскіе и тьмы народныя ко кресту и предъ крестомъ, такъ и теперь, въ моменты наибольшаго возстанія и крайняго напряженія силъ враждующихъ на христіанство, чудодѣйственно проявилась всемогущая и спасительная сила Христова, и проявилась она тоже только въ нѣсколькихъ, главнымъ образомъ четырехъ, исповѣдникахъ Христа. Своимъ словомъ, подвигомъ всей жизни своей, великимъ авторитетомъ личности своей, они отстояли вѣру Христову отъ всѣхъ посягательствъ злобы и вражды земной и адской, спасли христіанство для всей земли и передали его въ неприкосновенности и намъ, и на вѣки вѣковъ. То были воистину Богомъ воздвигнутые и богопросвѣщенные, свѣтоносные вселенскіе отцы и учителя—Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и, самый величавый и особенно изумительный по богатству и разнообразію дарованій и по силѣ несравненнаго вліянія его на всё времена и поколѣнія христіанскія, Іоаннъ Златоустъ.

Златоустъ родился въ 347 г. въ Антиохіи. Антиохія, теперь это совсѣмъ маленькій, ничтожный городокъ, съ

пятитысячнымъ населеніемъ въ юговосточномъ углу малоазійскаго полуострова; а въ ту пору это былъ замѣчательный, міровой городъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ центровъ древней цивилизаціи. Нѣкогда Антиохія была столицею древняго сирійскаго царства, присоединеннаго къ великой римской имперіи, и во дни Златоуста именовалась она „царицею востока“; самъ Златоустъ называлъ ее „главой и матерью восточныхъ городовъ“. Антиохія—одинъ изъ почетнѣйшихъ городовъ вообще въ христіанскихъ воспоминаніяхъ, въ исторіи нашей церкви: Антиохія была, такъ сказать, преемницею Іерусалима; въ ней сосредоточились послѣдователи Христа, разсѣявшіеся изъ Іерусалима, послѣ перваго гоненія и убіенія первомученика Стефана. Въ Антиохіи-то и сформировалась въ первые годы христіанства знаменитая *апостольская церковь*; здѣсь долго находился, и проповѣдывалъ, и отсюда именно совершилъ три великія свои апостольскія путешествія св. первоверховный апостоль Павелъ. Наконецъ, тутъ именно, въ Антиохіи, впервые и навсегда всѣ мы, послѣдователи Христа, получили наименованіе *христіанъ*. Громадное, по тогдашнему, двухсотъ-тысячное населеніе Антиохіи, въ IV вѣкѣ состояло наполовину изъ христіанъ и язычниковъ.

Св. Іоаннъ происходилъ изъ христіанской и благородной, очень извѣстной въ Антиохіи семьи: отецъ его, по имени Секундъ, былъ начальникомъ всѣхъ императорскихъ войскъ въ Сириі. Но онъ скоропостижно скончался, когда Іоанну исполнился только одинъ годъ отъ рожденія. Младенецъ-сирота остался на попеченіи матери своей Анеусы. Юная вдова, всего только двадцати лѣтъ отъ роду, притомъ богатая, образованная и красивая, Анеуса, безъ сомнѣнія, могла бы снова выйти замужъ; но помимо указанныхъ ея качествъ, она была и женщина строго благочестивая, высоко нравственная, идеальная мать-христіанка. Она отказалась отъ счастья своего личнаго, чтобы всѣ силы и всю жизнь свою посвятить дѣтямъ — сыну Іоанну и годомъ старшей сестры его. Не даромъ, впоследствии, учитель Іоанна, знаменитый ученый язычникъ

Ливаній, узнавши исторію самоотверженной материнской любви Анеусы къ дѣтямъ, восторженно воскликнулъ: „какія же удивительныя женщины у христіанъ!“

Необыкновенно счастливымъ природнымъ дарованіямъ и богодарованнымъ талантамъ Іоанна, Анеуса съумѣла дать надлежащее и самое благое направленіе. По выраженію древняго писателя, она воспитывала Іоанна „на словѣ Божіемъ“. Подъ наитіемъ нѣжнѣйшей любви материнской, раскрылись и въ его душѣ дорогія сокровища нѣжнаго, дѣвственно-благороднаго, любящаго его сердца. Подъ непрестаннымъ вліяніемъ и впечатлѣніями религіозности и благочестія матери, происходило постепенное духовное возрастаніе и совершенствованіе Іоанна, неуклонное его устремленіе и приближеніе къ идеалу жизни возвышенной, чистой, святой. Первые шестнадцать лѣтъ жизни Іоаннъ и провелъ подъ непосредственнымъ руководительствомъ и счастливою опекою своей матери. А потомъ онъ поступаетъ въ школу знаменитаго въ ту пору ученаго и ритора (оратора) Ливанія. Ливаній былъ однимъ изъ послѣднихъ столповъ и защитниковъ язычества, но все же изъ язычниковъ—несомнѣнно лучший, человѣкъ честный и образованный, благородный. Анеуса смѣло ввѣрила ему образованіе своего талантливаго сына, какъ потому, что школа Ливанія была самой лучшею въ Антиохіи, такъ и потому, что Іоаннъ настолько уже созрѣлъ и окрѣпъ въ христіанскомъ настроеніи, что языческія убѣжденія учителя ему не могли быть сколько нибудь страшны и опасны.

Четыре года Іоаннъ учился у Ливанія. Своими рѣдкими дарованіями и блестящими успѣхами въ наукахъ онъ изумлялъ и восхищалъ своего учителя. Еще юношею, Іоаннъ въ ораторскомъ искусствѣ уже превзошелъ своего учителя, этого знаменитѣйшаго ритора, имя котораго гремѣло не только въ Антиохіи, но и въ Аѳинахъ, въ Константинополѣ, въ Никомидіи, гдѣ раньше жилъ Ливаній и, какъ ораторъ, надъ всѣми первенствовалъ. Теперь этотъ Ливаній, прочитавши одинъ изъ первыхъ опытовъ, собственно еще ученическое упражненіе

Іоанна, его „Похвальное слово Константину Великому“, въ восхищеніи написалъ къ Іоанну: „какойъ счастливецъ ты, что можешь такъ прекрасно говорить и хвалить! Но какъ счастливъ и императоръ, для котораго нашелся такой ораторъ!“ А умирая, Ливаній очень сокрушался, что Іоаннъ не можетъ стать его преемникомъ въ школъ: „никого не хотѣлъ бы я оставить послѣ себя, кромѣ Іоанна; но его похитили у мѣня христіане“, горько сѣтовалъ Ливаній.

А между тѣмъ Іоаннъ въ это время еще не былъ и крещенъ: въ силу допускавшагося тогда нѣкоторыми обыкновенія принимать святое крещеніе не по вѣрѣ воспріемниковъ, какъ теперь у насъ, а по убѣжденію и полному разумѣнію самого крещаемаго, Іоаннъ, почитавшій себя все еще не созрѣвшимъ духовно, рѣшился приступить къ святому крещенію только по достиженіи 22-лѣтняго возраста. Зато теперь, въ юношествѣ, только готовясь къ воцерковленію, онъ и прилагалъ всѣ усилія могучей души своей къ наиболѣе глубокому и полному усвоенію, всестороннему воспріятію высокихъ, святыхъ идеаловъ ученія Христова.

Въ то же время и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства способствовали воспитанію въ Іоаннѣ непоколебимаго убѣжденія въ истинѣ и святости христіанства. Такъ, еще юношею, въ своей родной Антиохіи, пришлось Іоанну быть свидѣтелемъ великаго гоненія на христіанство, поднятаго императоромъ, отступникомъ Юліаномъ. Задавшись цѣлю поднять старое язычество и унижить, подавить христіанство, Юліанъ естественно обратилъ вниманіе на великій центръ и оплотъ ненавистой для него вѣры, на Антиохію. Онъ самъ прибылъ въ Антиохію и здѣсь прежде всего явился въ нѣкогда знаменитое капище бога Аполлона. Но каково же было его негодованіе, когда онъ нашелъ капище совершенно пустымъ: императора встрѣтилъ здѣсь только одинъ старикъ, жрецъ, который въ честь высокаго посѣтителя и принесъ богу Аполлону въ жертву собственнаго гуся, такъ какъ ни богомольцевъ, ни жертвоприношеній никакихъ еще не было. А между

тѣмъ рядомъ стоявшій христіанскій храмъ, съ мощами св. мученика Вавилы, былъ переполненъ народомъ. Въ крайнемъ раздраженіи, Юліанъ распорядился возстановить въ прежней красотѣ и великолѣпіи капище Аполлона, а христіанскій храмъ закрыть и мощи изъ него удалить. Тогда христіане устроили величественную процессію торжественнаго перенесенія святыхъ мощей. Это еще болѣе озлобило Юліана, и, по его приказу, языческіе воины бросились на христіанъ, начали ихъ разгонять и избивать, ловить, подвергать пыткамъ.

Между тѣмъ, по согласному свидѣтельству историковъ, совершилось необычайное явленіе: въ эти именно часы избіенія христіанъ, въ то самое капище Аполлона, о которомъ такъ позаботился Юліанъ, ударила молнія, и оно погибло въ огнѣ. Такое чудодѣйственное проявленіе воли небесной несказанно вдохновило и одушевило христіанъ, но не образумило только Юліана. Вопреки всякой очевидности, онъ объявилъ, что то христіане сожгли храмъ Аполлона, и съ еще большею жестокостью продолжалъ звѣрства надъ ними; между прочимъ и главный въ Антиохіи храмъ христіанскій онъ закрылъ, а служившаго въ немъ престарѣлаго пресвитера, св. Феодорита, подвергъ мученической смерти. Послѣ этого Юліанъ по всей имперіи всячески преслѣдовалъ христіанъ, разорялъ ихъ непомѣрными налогами, разрушалъ храмы, конфисковалъ ихъ имущества, избивалъ и заточалъ духовенство и т. д.; а съ другой стороны, за преданность язычеству, осыпалъ всякими милостями и наградами, открывалъ и украшалъ старыя языческія капища, повелѣлъ даже возстановить іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ, и т. д. На стоны и жалобы христіанъ, подвергавшихся неистовствамъ отъ язычниковъ, Юліанъ отвѣчалъ извѣстною его фразою: „что за бѣда, коль десять галилеянъ погибнуть отъ руки одного язычника“! Но, какъ извѣстно, гоненіе Юліана и всѣ эти послѣднія усилія язычества окончились только бѣльшимъ еще торжествомъ и величіемъ христіанства. Къ ужасу своему, въ этомъ успѣлъ убѣдиться и самъ Юліанъ, оставшійся всетаки упорнымъ, нераскаяннымъ язычникомъ до

Январь.

самой гибели своей: во время одного изъ походовъ, смертельно раненый, онъ неистовствовалъ отъ злобы, что не могъ уничтожить христіанства, и, въ безсильной ярости, бросая камнями, грязью въ солнце, при послѣднемъ издыханіи, прохрипѣлъ еще болѣе въ исторіи извѣстную фразу его: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ“.

И вотъ все это кровавое гоненіе Юліана Златоустъ пережилъ и наблюдалъ въ возрастѣ особенно впечатлительнаго, отзывчиваго на всякое страданіе и чуткаго ко всякой несправедливости юношества. Онъ самъ перестрадалъ эти ужасные для антиохійскихъ христіанъ дни, дѣлилъ съ ними всѣ тревоги и опасенія, принималъ участіе въ погребеніи замученныхъ Юліаномъ исповѣдниковъ святой вѣры, проливалъ съ христіанами жгучія слезы надъ обезглавленными мучениками христіанскими. Все это имѣло значеніе для Іоанна могущественнѣйшей жизненной школы, въ которой росъ и укрѣплялся великій духъ этого великаго христіанина.

По окончаніи ученія, Іоаннъ принялъ на себя званіе и обязанности адвоката. Въ то время это была самая модная и выгодная профессія; рѣдкій юноша изъ знатныхъ, привилегированныхъ сословій не пробовалъ своихъ силъ на этомъ поприщѣ, открывавшемъ дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, такъ какъ ораторское искусство цѣнилось тогда выше и дороже всего. Іоанну, какъ необычайно талантливому, блестящему, увлекательному оратору, адвокатство, очевидно, сулило и богатство, и славу, и блестящую служебную карьеру. Но бурный круговоротъ жизни суетной, свѣтской, съ которымъ неизбѣжно теперь пришлось ознакомиться Іоанну, и эти адвокатскія занятія, чаще всего въ сферѣ неправдъ, пороковъ и всякаго жизненнаго зла, никакъ не могли заполнить душу Іоанна и удовлетворить его. Правда, благодаря именно этимъ занятіямъ, онъ ближе и точнѣе изучилъ сердце человѣческое со стороны его отрицательныхъ сторонъ и порочныхъ склонностей, и это впоследствии пригодилось Іоанну, какъ духовному врачу людской испорченности; но во всякомъ случаѣ теперь-то, вся суета

жизненная внушала ему сознательное и убѣжденное отвращеніе. Его потянуло совѣмъ на другую дорогу, его влекло иное призваніе. Скоро объявилъ онъ матери своей, что хочетъ покинуть міръ и уйти въ монастырь. Мысль о разлукѣ съ возлюбленнымъ сыномъ превозмогла слабыя силы благочестивой Анюсы и она упросила Іоанна не покидать ее, по крайней мѣрѣ до ея кончины. „Узнавъ о моемъ намѣреніи, рассказываетъ намъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій самъ Златоустъ: матушка взяла меня за руки и залилась слезами; стала она говорить слова, которыя были жалобнѣе самыхъ слезъ. Не подвергай меня новому вдовству на свѣтѣ, говорила она: не пробуждай опять уснувшаго въ душѣ моей горя, подожди конца моего. Когда ты предашь прахъ мой землѣ, тогда иди, Господь съ тобой!—иди, куда влечетъ тебя твое призваніе! А пока я еще не перестала дышать, побудь со мною, не причиняй страданья безвинной предъ тобой твоей матери и не прогнѣви этимъ Господа!“ Какъ преданный и любящій сынъ, Іоаннъ исполнилъ волю матери, онъ не покинулъ ее и міра; но однако онъ съумѣлъ, и въ мірѣ живя, уйти отъ міра. Какъ разъ около того времени, принявшій святое таинство крещенія, онъ прекратилъ свою адвокатскую дѣятельность и всецѣло занялся воспитаніемъ души своей; онъ углубился въ изученіе слова Божія, проникался его духомъ и идеалами, постоянно ходилъ въ храмъ, принявъ даже на себя обязанности *чтеца*. Въ то же время и въ частной жизни своей онъ все больше и больше упражнялся въ дѣлахъ благочестія и самоотверженія, даже наложилъ на себя подвигъ *молчальничества*, т. е. по возможности полного воздержанія въ словѣ.

Іоаннъ, такимъ образомъ, постепенно отрѣшался отъ міра и текущей современности, — тѣмъ болѣе и охотнѣе отрѣшался, что эта современность была очень печальная и способна была только удручать душу всякаго честнаго патріота и истиннаго христіанина. Въ разныхъ частяхъ имперіи происходили постоянные беспорядки и возмущенія, всюду росло царство анархіи. Полководцы и вожди разноплеменнаго и разновѣрнаго въ имперіи войска нерѣдко

поднимали междоусобныя кровопролитія, колебали тронъ царскій, а иные и сами садились на него. Такъ, между прочимъ, достигъ трона и Юліанъ Отступникъ. Со внѣ, какъ волны, стремились на имперію такъ называемые варвары, франки, готы и гунны. Не было мира, спокойствія въ нѣдрахъ и церкви христіанской. Напримѣръ, въ Римѣ два претендента, Даніилъ и Урсинъ, съ оружіемъ въ рукахъ, поднявши междоусобное кровопролитіе, оспаривали другъ у друга кѣедрѣ римскую. Аріанство, уже осужденное на Никейскомъ соборѣ, сокрушающимъ потокомъ разливалось въ имперіи, грозя совсѣмъ затопить православіе. Сами императоры, Констанцій, а потомъ Валентъ, были аріанами; православные подвергались угнетеніямъ и кровавымъ преслѣдованіямъ. Даже и въ Антиохіи ересь такъ распространилась, что православные должны были выдерживать постоянную, такъ сказать, осадную войну; самъ православный епископъ Антиохіи, добрѣйшій старецъ Мелетій, къ которому особенно льнулъ душею Іоаннъ, неоднократно подвергался изгнанію и заточенію.

Въ столь тягостныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые изъ окрестныхъ, ближнихъ къ Антиохіи, епископовъ, всемѣрно защищая и отстаивая православіе, обратили вниманіе на великую силу духовную, что возростала въ личности еще юнаго чтеца Іоанна, молва о талантахъ и подвижничествѣ котораго уже распространилась въ окрестностяхъ. Не взирая на молодость Іоанна, они задумали сдѣлать его епископомъ. Слухъ объ этомъ повергъ Іоанна въ неописанное смущеніе и трепетъ. Священное служеніе церкви Божіей ему казалось столь возвышеннымъ и святымъ, что Іоаннъ и помыслить не смѣлъ о принятіи епископскаго сана. Какъ разъ съ этими волненіями и опасеніями совпало для Іоанна и тяжелое жизненное лишеніе, испытаніе: ему пришлось горько оплакивать неожиданно и рано, вовсе еще не старую, скончавшуюся мать его Анеусу. Какъ будто Промыслъ Божій нарочито призвалъ отъ земли благочестивую душу Анеусы, чтобы и достойный сынъ ея могъ безпрепятственно вступить на увлекавшій его, великій и крестonosный путь. Никѣмъ и ничѣмъ